

Общая газ. 1995 -
Путь от Варлама
28 сент. -
с. 16. **к Тихону**

Аспирантка Мичиганского Университета
Лора КЛАЙН пишет книгу
об отце и сыне Шаламовых

— Лора, вы этот год прожили в России. Чем вы здесь занимались?

— Я последние два года работаю над диссертацией о жизни и творчестве Варлама Тихоновича Шаламова (кажется, это будет первая большая монография о нем по-английски). Мою стажировку в Москве оплатил фонд «АЙРЕКС» — им эта работа показалась перспективной. Наверное, в первую очередь потому, что Шаламовым в мире сейчас очень серьезно интересуются, он — не открытый великий русский писатель. Но читать его книги мало — надо знать его жизнь.

— Кто был посредником вашей встречи с Шаламовым?

— Это был мой университетский профессор. Он дал нам читать на уроке современной русской литературы, еще в 1988 году, сборник «Современная русская литература» — и там было три «Колымских рассказа». Как всегда бывает, когда что-то в жизни происходит серьезное, это была случайность. Профессор сказал, что, в общем-то, мы мало знаем об этом человеке. Как раз тогда, в 88-м году, Шаламова начали у вас печатать, но все толстые журналы, которые выходят здесь, очень медленно доходят до Америки. Я искала биографическую информацию о Шаламове в библиотеках и ничего не нашла. Стала спрашивать у всех про него, но никто толком ничего не знал, мне даже говорили, что он, может быть, и не сидел. Это тем более было странно, что в Мичиганском Университете — одна из лучших в мире кафедр славистики, при нем существовало издательство «Ардис», хорошо известное русским читателям... Короче, в мою жизнь вошла загадка. Она меня изредка волновала. Но она, эта загадка, была слишком непростая, и ее нельзя было решить походя...

— Часто бывает так, что исследователь, когда начинает работать над материалом, вдруг в какой-то детали находит еще один сюжет. И он стоит перед выбором: продолжать ему двигаться по магистральной пути своей мысли или попробовать пойти в этот коридор, который был засыпан, и в котором — как он вдруг увидел — какой-то свет маячит. Судьба отца Тихона Шаламова — как она всплыла в вашей работе?

— Когда я, в Америке еще, прочитала «Четвертую Вологу» Шаламова, и там, в рассказе об отце, который начинал путь священника на Аляске, было упоминание о Кадьяке, я подумала: ну, Лора, это же твоя Америка, и тебе надо найти все, что там осталось! Я позвонила в департамент округа и спросила, есть ли какая-нибудь православная семинария или монастырь в Кадьяке? Они говорят: «Да, есть», — и дали мне телефон. Оказывается, все, что у них сохранилось, лежит в коробках. Это архив семинарии святого Германа Аляскинского, где сейчас работает всего один священник, там вообще люди появляются только летом, а больше никого и ничего, совершенный упадок. Священник этот мне сказал, что он поищет, и нашел три фотографии: две — жены Шаламова и еще одну — фотографию самого отца Тихона. Впоследствии оказалось, правда, что это был не Тихон Шаламов. Потом один человек из собора св. Михаила Архангела в Ситхе мне сказал, что, насколько ему известно, все, что было, забрали сотрудники ЦРУ, еще в 20-е годы... Когда я приехала в Россию, оказалось, что здесь сохранилась всего одна фотография матери Шаламова, поздних лет, где она стоит у гроба мужа. Так что все тут буквально с ума бошли в ЦГАЛИ... и Ирина Павловна Сиротинская, хранительница и публикатор архива Шаламова, мне сказала: «Лора, обязательно найдите как можно больше, ищите, ищите!» И я начала уже отсюда звонить в Америку, и выяснилось, что ничего на самом деле ЦРУ не забирало, а просто вывез и разместил по разным хранилищам в США какой-то русский эмигрант из библиотеки Конгресса. Я начала опять звонить — и нашла женщину по имени Барбара Смит, работающую в Анкоридже, в местном музее истории и искусства. Она лет десять назад наткнулась на старые журналы, которые издавались в начале века Русской Православной Церковью в Америке, и там — путевой дневник о Тихоне Шаламове. Она была потрясена, что век назад русский человек так активно защищал аборигенов в США, так любил их и посвящал им всю жизнь.

— Получается, что Шаламовы — уже сюжет не только русский, но и американский?

— Вот в чем все дело. Отец Тихон основал одно из первых обществ трезвости в США. Говорят, что жителей Аляски сто лет назад нарочно спаивали — и те, кто там занимался бизнесом, и миссионеры. Так что отец Тихон боролся и против этого. Он был не просто священником, он был для алеутов настоящим спасителем. Можно сказать, что отец Тихон стоял у истоков правозащитного движения в Америке...

— От Шаламова-отца снова вернемся к Шаламову-сыну. Этот характер, этот тип писателя остался для вас загадкой после всего, что вы прочитали, откопали в архивах?

— Я только что разговаривала с философом Юлием Шрейдером, у нас большой разговор о Шаламове был, и он сказал, что эту загадку вообще нельзя решить. Потому что здесь в одном человеке отражаются сразу все парадоксы его века. Ну, вот, к примеру, вопрос: зачем он написал «Колымские рассказы», огромную книгу, если сам говорил, что никто не должен знать о лагерях, что это знание для человека губительно?

— Или трагический разлад с отцом, а вследствие этого — и с Богом. Страницы «Четвертой Вологды», повествующие об утрате веры, — не менее страшные, чем «Колымские рассказы»...

— Да, это очень страшно. Ведь Шаламов понимал, что власть, создавшая ГУЛАГ, — это власть дьявола. И однако он пишет в дневнике: «Мир, в котором священник — праведник, не располагает к религии». Он спорит таким образом и с Богом, и с родным отцом. Об этом очень страшном разрыве Шаламов говорит спокойно и осознанно.

— А взять его натянутые отношения с Солженицыным!

— Для меня безусловно, что Шаламов ненавидел политику. И я думаю, оттого что Солженицын занимался ею, Шаламов думал, что Солженицын изменил своему призванию, что отношения Солженицына с властью — это фальшь. А литература, все «душевные дела» — это ведь совершенно другая, более чистая сфера. Шаламов видел, что Солженицын не озабочен самым главным вопросом: кризисом человечества в XX веке, а все время занят сиюминутными проблемами...

— До самого конца Шаламов был такой же парадоксальной личностью, как и его отец. При всем их антагонизме, идейном и духовном, которое отражено в «Четвертой Вологде», это еще одна загадка. Шаламов не был диссидентом, он считал себя частью интеллигенции, но при этом все время нарушал законы этого клана. И его отец — Тихон, который, в общем, тоже не был диссидентом в лоне Церкви (ведь он был ревностный и строгий священник, очень любящий богослужение и молитву и в храме, и дома) — но вот эта независимость его — хотя бы то, что он ходил не в рясе, а в гражданском платье в Вологде, стриг волосы, или взять какие-то поступки его в отношениях со своим начальством — по сути то главное качество, которое генетически он передал Варламу Тихоновичу. Видите ли вы, читательница текстов Варлама Шаламова, какие-то созвучия с текстами его отца, вековой давности? Может быть, есть общие идеи, может быть, схожая позиция, — то есть я говорю не о языке, а о личности пишущего?

— Да, можно сказать, что у обоих в поступках была какая-то высшая самоуверенность. И второе — то, что они отдавали себя целиком другим людям. Оба ясно понимали, что они живут и трудятся для истории, может быть, чаще всего, довольно своеобразно и непонятно для современников, но высшая мораль всегда присутствовала в их жизни. Оба они видели, что такое добро и зло, и они жили для добра. Оба они были великими идеалистами. То, что Варлам Шаламов — борец, героическая натура, это понятно всем. Но лишь зная о судьбе его отца, можно понять, с чем и во имя чего он боролся. У них обоих была дальняя цель перед собой. И для обоих личная жизнь, личное счастье ничего не значили.

Ученые, исследователи и просто читатели во всем мире все больше интересуются книгами Варлама Шаламова. Это жесткая литература, даже жестокая, но это и жестокий век, и мы от Шаламова узнаем много о нас самих — того, о чем боимся думать, а у него, как и у его отца, была смелость об этом говорить вслух...

Беседовал
Михаил ПОЗДНЯЕВ